

НЕРЕШАЕМАЯ ТРЕХХОДОВКА

рассказ

Шахматисты высшего класса всегда ценили композицию за нестандартные идеи и красоту, чего нельзя сказать о некоторых шахматистах-практиках и порой даже мастерах.

Жрец Каиссы

Мой друг, один из сильнейших мастеров военного времени (его побаивались даже гроссмейстеры, порой "наказанные" им в турнирных боях), был человеком своеобразным. Играл со мной несчетные легкие партии, не взирая на шахматное превосходство. Мою склонность к композиции считал чудачеством (зачем мат в два-три хода, когда я как угодно выиграю), уверяя, что шахматы – это борьба реальных противников и занятие выдуманными позициями подобно схватке на ринге с чучелом, хотя работу с грушей в тренировочном зале признавал.

Внешне он напоминал потолстевшего тяжеловеса с лицом архангела Гавриила, привлекавшего дам и журналистов. Он стремился к победе, к чувству превосходства, а не к решению ребусов.

Он был поразительно начитан и хранил в своем огромном шкафу во всю стену только книги, прочитанные им со скоростью перелистывания. Он обладал редким даром "фотографического чтения", когда, лишь взглянув на страницу, запечатлевал ее в мозгу, и мог цитировать мне текст безошибочно. Он владел несколькими языками и по-французски говорил, как и по-русски, поддерживая традиции своего древнего дворянского рода, именем которого названа подмосковная железнодорожная станция. Одной из традиций была карточная игра. Он щедро уделял ей свои ночи и часть гонорара за пьесы, шедшие во многих театрах страны.

Одаренный драматург не был ни военным корреспондентом, ни военным служащим, будучи лишь на четыре года моложе меня, инженер-майора и руководителя созданного мною вместе с моим другом профессором (потом академиком) военного НИИ (N627). Но положение на фронтах он переживал горячо, вместе со своим тестем, знаменитым профессором, через несколько лет оказавшимся в числе пресловутых

"врачей псевдоубийц", передвигал флажки на настенной карте военных действий.

Он был игрок по натуре и в шахматах, и в картах, и на бегах, где просаживал немало денег. Игра была для него жизненным стимулом и самоутверждением.

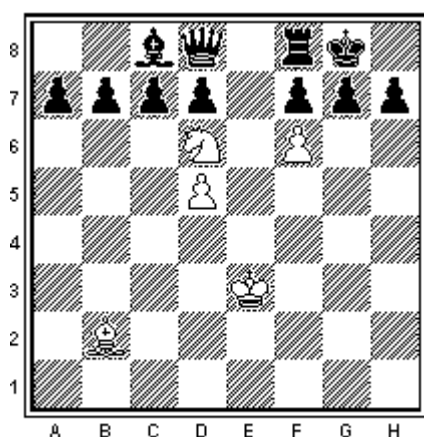
Мы написали общую пьесу и, запершись, спорили из-за каждой фразы. Однажды в разгар нашей работы он внезапно обратился ко мне:

— Нужна твоя помощь, Саша. Решить трехходовку.

— Да ты что? Поразился я! — Ты ж не признаешь задач!

— Тут особый случай. Форс-мажор. Помоги решить и ни о чем не спрашивай. Так надо!

Он сходил в столовую, где мы с ним обычно играли, принес доску и расставил позицию (диагр. 1)

диагр. 1

— Мат в три хода! Это же нонсенс! Две легкие фигуры против черного ферзя, ладьи, коня и целого эшелона пешек! Тут самому бы ноги унести.

— Так может она не решается, — предположил я, бегло взглянув на позицию.

— Найти решение должно! Мне не зря поручили! Пойми, очень важно!

Теперь я уже внимательно взгляделся в позицию и пришел к заключению, что ни о каком мате в три хода и речи не может быть. Услыхав такое, он не на шутку рассвирепел.

— Ты ни черта не смыслишь даже в своей дурацкой композиции! Тут бы Алехина с Капабланкой и Ласкером впридачу посадить за белых! А нужно нам с тобой, и никому больше.

— Может быть Ботвинника? — робко спросил я.

— У меня с ним встречи в турнирах на равных. Мозгуй. Считаю, что мы с тобой в худшем положении, чем белые.

Я поднял глаза с доски.

— А что, если этих вельтмейстеров посадить на черных? И попросить назвать их последний ход?

— Да какой угодно: хоть ферзем, хоть ладьей, хоть королем.

— Не так просто, — возразил я, — поскольку белый король стоит на линии е, то ни ферзь, ни ладья на эту линию ходить не могли, поскольку белый король был бы под шахом.

— Ну и что? — насупился мой друг.

— Кстати, о ладье. Как она перебралась с поля h8 на f8, а король на g8? Черный король не мог уступить ей свое место, встав на битое поле e7?

— Известно как! На то есть рокировка.

— А когда наши противники ее сделали? Ведь белый конь с d6 бьет королевскую резиденцию на e8.

— Значит, рокировка была сделана раньше.

— Ты так думаешь? Значит последним ходом остался лишь Kph8-g8? Но для этого ему после якобы сделанной прежде рокировки пришлось ступить на поле h8, а это хуже, чем шах, потому что белый конь мог стоять на f5, и едва король коснулся бы поля h8, **1... Kph8** последовало бы **2. f : g7+ Kpg8 3. Kh6+** X. То есть король сходил бы даже не под шах, а под мат!

— Что же из этого следует?

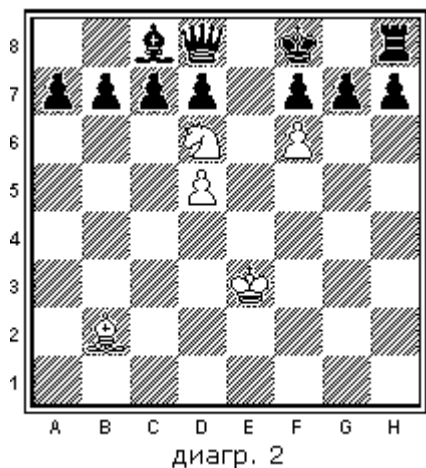
— А то, что последним ходом черные, очевидно в цейтноте, когда белые, растеряв все свои фигуры в отчаянии шахнули конем Kf5 d6+. Черные, тоже не имея времени, в волнении увидев, что королю шах, схватились за него, вместо того, чтобы взять наглого коня пешкой. Схватились за короля и с ужасом увидели, что им грозит немедленный мат, и под щелканье часов ушли в крепкую оборону, рокировав короля.

— Так ведь он был под шахом! — возмутился мастер.

— Вот в том-то и дело! Белые, как и ты, заметили неправомерность хода черных и через судью потребовали не только восстановления позиции, но и хода черным королем по правилу "пъес туше, пъес жуэ".

— Чего только не бывает в цейтноте! — вздохнул мой мастер.

— Вот и пришлось черным уйти королем из-под шаха, оставив белого коня на доске, который стоит там в заданной тебе позиции. Пришлось бедняге идти на f8 **0... Kpf8.** (диагр. 2)

— Вот теперь задание — мат в три хода выполнимо: **1. f : g7+ Kpe7 2. Kf5+ Kpe8 3. g : h8=Ф+** X. Вот тебе решение нерешаемой задачи.

Мой приятель смешал шахматы:

— Закончим перерыв. Считай, что этого не было! И это серьезно.

Я не стал допытываться и занялся нашей пьесой, которая, кстати сказать, успеха не имела, и всего один раз была сыграна в Вахтанговском театре учениками Щепкинского училища.

* * *

Через три года в Потсдаме, в загородном дворце прусских королей в зале, отделанном с претензией на роскошь и великолепие, заседали за длинным столом четверо победителей.

К американскому президенту Трумэну, заменившему внезапно скончавшегося Рузвельта, подошел связной офицер, щелкнув каблуками, передал срочную шифровку. Трумэн улыбнулся и, обойдя стол, где вместо вынесшего всю тяжесть войны Черчилля его заменил лейборист Эттли, подошел к невозмутимому Сталину и, склонившись к его уху, доверительно сообщил, что отныне его союзник обладает ни с чем не сравнимым по силе оружием. Испытание в пустыне Невада открывает новые горизонты, хвастливо закончил он. Слово обладает «союзник», а не союзники было особенно подчеркнуто.

Сталин равнодушно посмотрел на ждущего его растерянности Трумэна и никак не прореагировал на убийственное сообщение, перейдя к обсуждаемому вопросу как союзным войскам беспрепятственно войти в отбитые у гитлеровцев русскими столичные города: Берлин, Вену, Прагу...

Вернувшийся на свое место Трумэн с трудом скрыл свое раздражение против этого «азиатского владыки», как он мысленно назвал Сталина.

Я в то время лечился в госпитале, куда попал, находясь последние дни войны при 26-й армии II Украинского фронта, как уполномоченный Государственного Комитета Обороны, высшего органа власти в военное время. Для выполнения особого поручения правительства мне даже присвоили звание полковника (а был я инженер-майором).

Через два месяца, подлечившись, я с прикомандированными ко мне офицерами возвращался в трофейной машине в Москву. Проезжая через Бессарабию, помню вместе с сопровождавшим меня полковником Караханом из Госплана СССР неустанно пел всякую всячину, чтобы не уснуть за рулем. Рядом с Караханом стоял наш штабной радиоприемник. Что-то услышав, он оборвал пение и прибавил звук. Сообщалось, что американцы сбросили бомбу на Хиросиму.

Петь больше не захотелось, я продолжал сумрачно вести машину до самой Москвы. Здесь я вернулся на свое место Главного инженера военного НИИ. Его директор академик Иосифьян вызвал меня к себе.

— Поезжай, Саша, в институт физических проблем к академику Капице, там собирают нашего брата. Послушаешь, что мы с тобой прозевали в свое время, чем бы заняться. С Петром Леонидовичем Капицей ты знаком. Но сообщение, объявили, будет делать академик Ландау, его первый соратник.

И в числе других руководителей научных институтов я услышал от Ландау подробный рассказ как может быть устроена атомная бомба, взорванная в Хиросиме, а потом и в Нагасаки. Меня даже в жар бросило! Так, значит, наши академики прекрасно знали устройство атомных бомб.

— Вот так, друг Саша, — сказал мой директор Иосифьян, когда я рассказал о посещении института физических проблем. — Теперь они знают, а когда наука подошла к такому рубежу, то не к нам с тобой, мелкие мы сошки, обратились, а к Петру Леонидовичу Капице, прославленному работой в лаборатории Резерфорда в Кембридже. А

Капица ответил, что "использование" расщепления ядра атома ради выделения энергии не имеет никакого практического значения для человечества». Повторил он слова своего учителя Резерфорда, который сам и открыл расщепление атомных ядер. В научном мире это сочли "великой ошибкой гениального физика". А так ли это? Может быть лорд был дальновиднее своих критиков и предвидел те несчастья, которые несут атомные бомбы? В Хиросиме и Нагасаки сто тысяч людей за долю секунды уничтожены! А дальше?... Вслед за Капицей и наш Абрам Федорович Иоффе, вице-президент Академии наук СССР, передавший свою ленинградскую лабораторию термоэлементов, так же отказался от бесперспективности создания "ужасного оружия". А мы ради победы взялись бы!

— Капице это ведь дорого обошлось, — вставил я.

— Да. Товарищ Берия так разъярился, что взял академика под стражу. Иоффе спасся уж не знаю как!

— Уж не наши чайники с его термоэлементами помогли? Грели чай на кострах, а аккумуляторы партизанских раций подзаряжали.

— Чайники его с поддоном мы с тобой делали и многое другое для фронта, а близорукими оказались. Курчатов размагничиванием кораблей занимался... И на голом месте на Урале и нас, и американцев обогнал.

У Курчатова на Урале работала моя старшая дочь Нина Аникина. Ей вручили высшую награду Родины Орден Ленина одновременно с объявлением, что наша страна обладает атомной бомбой, не хуже американской.

Пришлось генералам из Пентагона поджать хвост, а не объявлять "мат в три хода", как значилось впоследствии в опубликованном плане атомного удара по ста советским городам. Такой бы удар имел бы убийственную для Америки "отдачу".

Ныне, казалось бы, невозможно без содрогания вспомнить о поступке президента Трумэна. Его решение не диктовалось военными расчетами, ибо разгром советскими войсками Квантунской армии предreshал капитуляцию японских войск. Разве что боялся Трумэн, что

как бы русские не захватили вслед за Берлином раньше американцев и Токио?

Но меня потрясло то, что в наше время в Америке устроили опрос общественного мнения и большинство американцев ... оправдало действия Трумэна. Это и побудило меня вспомнить о нерешаемой трехходовке, переданной возможным американским агентом одному из резидентов. Их поймали, когда один передал другому пачку долларов взамен ... нерешаемой шахматной задачи. Представляю себе, как оправдывался агент, говоря, что он получил карточный долг, взамен чего передал партнеру задачу, которую можно предлагать решить на пари.

А она содержала "донесение" о том, что русские сделали недопустимый в игре (войне) ход, обратившись к несговорчивым научным авторитетам, и должны вернуться в исходное положение, когда им, безоружным, не имеющим атомных бомб, можно дать "мат в три хода"! И этот "мат" был заготовлен вскоре после общей Победы над гитлеровской Германией – это был план Пентагона об одновременной атомной бомбардировке ста советских городов, словом "дать мат в три хода Советскому Союзу", недавнему союзнику Америки. Пришлось спрятать этот план в сейф. Ведь Америка после освобождения негров не знала войны на своей территории, а тут можно получить ответный удар, да еще какой!

Тогда я и восстановил в памяти "нерешаемую трехходовку", породившую генеральский античеловеческий замысел.

Я не могу проверить своей гипотезы (а я к ним склонен), ибо мой шахматный друг еще сорок лет назад покинул наш мир. Но, если мое предположение о шахматном коде верно, то оно убеждает в подлинно неисчерпаемой глубине и разносторонности шахмат!